

Ольга Виноградова

Ольга Виноградова
Праздник юаньсяо.
Старые и новые истории
из моей китайской жизни

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37396216
ISBN 9785449337382*

Аннотация

Этот сборник коротких рассказов-эссе является уже второй книгой автора о буднях иностранцев в современном Китае и дополнен по сравнению с предыдущей третьей частью (одноименной сборнику, место действия которой – город Тяньцзинь).Рекомендуется антропологам, поэтам и путешественникам.

Содержание

Часть первая:	5
Жизнь, как полная луна	5
Привет, русская!	11
Малые снега ⁴	14
С новым годом, Большая Бабушка!	19
День собаки	24
Пассажирским от Южного	28
Женихи	38
Девочка-бутон	43
Путь домой	46
Весна как искушение	52
Брат и сестра	57
Колошение хлебов	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Праздник юаньсяо
Старые и новые истории
из моей китайской жизни

Ольга Виноградова

© Ольга Виноградова, 2018

ISBN 978-5-4493-3738-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая: С Новым годом, Большая Бабушка!

Жизнь, как полная луна

*Раз намереваюсь и дальше жить,
– думал я, – лучше вот с таких
пример брать...*

Курт Воннегут

Две недели сегодня, как я живу здесь, в городке у подножия горы Тайшань. И всего-то ведь пять часов разницы во времени с Москвой – а уже ведь костей не соберешь, что называется. Не соберешь меня прежнюю.

...Я иду по нашему маленькому посёлку – шестиэтажные дома, в которых живут преподаватели и сотрудники университета, с семьями. Китайские семьи – это пока ещё нечто вполне патриархальное. Даже на орбитальной станции у астронавта-китайца будут, наверное, где-то в невесомости копошиться бабушки, дедушки, тетушки, с какими-то вёдрами, корзинами, тазами, мешками... Готовить что-то в кипящем масле или на огне, сушить повсюду какие-то стручки

и клубни, парить ноги, играть в карты и шахматы. . .

...В первые дни – когда меня везли из аэропорта вдоль гор, ныряя в тоннели, облепленные кипарисовыми чашами, и у меня слегка закладывало уши. . . когда привели в сверкающую чистотой квартиру, и я увидела с высоты своего пятого этажа горы и крыши в солнечных батареях, и когда набежали мои новые студенты и повели меня показывать кампус, магазины, рыночек, где я купила за один юань большой кусок тофу и дыню за три, повели кормить чем-то невиданно вкусным, когда мы возвращались в темноте под свист соек – мне тогда казалось, что я на каком-то другом свете – и это должно скоро выясниться. Я вспоминала сцены из фильма «Другие» и думала, что фильм был бездарный, но зато я теперь подготовлена. Чувство не оставило меня, но стало ослабевать, и уходит понемногу как восторг, так и тревога.

...О чём бишь я? Ах да, я иду вдоль нашего небольшого парка, где по утрам группки пожилых людей занимаются тайчи и ушу, а по вечерам танцами, или в полной темноте (фонари только вдоль дороги), тихо переговариваясь, на тренажерах. Запомнила одного старика, который всегда занимается на одном и том же снаряде, во тьме, не торопясь и. . . попыхивая сигаретой. . . А днём бабушки и дедушки выгуливают малышей. Обмахиваются огромными камышовыми веерами, и по мере необходимости, в очень расслабленном ритме дают детям попить или достают игрушку, или высаживают над бумажкой, не снимая штанов (на ползунках есть про-

резь и никаких тебе памперсов). Иногда, когда крошек уводят, на большой площадке разворачивают действо: старички играют во что-то (в крикет ли?) с клюшками, похожими на молоточки, и шарами, красными и белыми. Делают это серьезно, вдумчиво, как в замедленной съемке.

Тем, с кем случилось несчастье, жизнь тоже улыбается временами – и они вместе со всеми, на своих самоходных колясках, или колясках допотопных, или с ходунками, приветствуют друг друга, смеются беззубыми ртами, болтают, растирают конечности.

...Я слышу резковатые для нашего уха, но мирные перешучивания старших и сладкий детский лепет, скрип качелей и тренажеров, чувствую ветерок нескольких десятков верев, вижу двух белок пробегающих друг за другом через площадку... Притормаживаю, чтобы рассмотреть таблички на стволах деревьев – они высажены в парке из питомника, потому что университет у нас – сельскохозяйственный. Вот небольшие деревца амурской сирени, вот что-то, напоминающее кусты кизила, вот разноцветные нежные клёны, багрянник, такой красивый весной, а сейчас шелестящий своими стручками, а выше над нами простираются большими кронами Дзельква и Гуттаперчевое дерево, эвкоммия. А это – розовые коробочки с семенами сменили желтые метёлки, которые развевались на ветру в конце августа, когда я приехала – кельрейтерия, да, она, я посмотрела, и здесь она вырастает высокой. Некоторые из этих деревьев исконно ки-

тайские, другие же завезены издалека – и ничего, шумят себе прекрасно все вместе.

...Все две недели, что я здесь, дни стоят жаркие, душные, был один только дождик, но по ночам стало чуть прохладнее, и я открываю окно и выключаю кондиционер, и слышу утренних птиц, и чувствую еле уловимый запах горы.

...И я иду вот так, овевая чужой жизнью и камышовыми веерами... не чувствуя времени – а ведь будущее уже где-то здесь, уже наступает на пятки, вот-вот своротит меня, если я не налажу с ним контакт, не услышу его пульс, не поддержу его гомон...

...Я миную мусорные баки, над которыми в это время происходит сражение соек – и оборачиваюсь, стараясь запомнить это новое, это чужое, это смутно знакомое. И зави-саю во времени и в намерении, застываю, растаиваю в этом утреннем, но уже зное. Две недели я провела возле этой горы или десять лет? Как скрежещут сойки! На всех, видать, не хватает добра. Дорожка усыпана голубыми перышками, я иду по ним к перекрестку...

...Следую дальше, в наш северный кампус, прохожу ад-министративный корпус, пятый корпус-Север и пятый кор-пус-Юг... Господи, неисповедимы... Кто-то читает фэнтэ-зи и кто-то даже пишет, переодевается в боярина или там в кельта, кто-то надевает камуфляж и идёт искать крови... А я вот притворяюсь учительницей русского языка...

...Говорите – от себя не убежишь? О, очень, очень да-

же убежишь. ... Хотя иногда в сладком потоке безмятежных дней тебя как штырь вдруг прошивает чёртово одиночество. Сидишь ли ты на корпоративном обеде среди китайских коллег – пусть жизнь ваша будет как полная луна! – ведь сегодня праздник середины осени¹ – или ты в баре с очаровательными молодыми немцами...

Но только вдруг понимаешь, что осень не сменяется больше зимой, а листья пожелтели еще летом. Да что там пожелтели! Они были красными, а стали зеленые. С неба сыплются голубые перышки, а облако лежит на крыше соседнего дома как ни в чем не бывало. Облака должны находиться в небе, а осень наступать в свой черед, вот что я вам скажу. Стрелка часов делает, что хочет. Время украдено у меня каким-то неизвестным злоумышленником. Сначала он отрезал от моего времени по ночам, резал моё детское одеяльце, а потом утащил совсем.

И я с удивлением слышу собственный стон, прямо там, на обеде или в баре – и профессор, специалист по засушливым почвам, роняет палочки... и Себастьян, самый молоденький восторженный немец, выпучив глаза, хватается за локоть...

¹ У китайцев и других народов Восточной Азии праздник середины осени или праздник любования полной луной приходится на 15-й день 8-го месяца (полнолуние) по китайскому календарю, что знаменует середину годичного цикла, завершение сбора урожая и приходится на вторую половину сентября. Считается что в этот день лунный диск «самый яркий и круглый в году». Китайцы едят особые *лунные пряники* и желают друг другу полноты жизни и благополучия во всем.

Очень мило, Себастьян, но не беспокойтесь. Я не стану новым божеством горы Тайшань, спрыгнув с вершины вниз головой, прямо на крышу отеля Celebrity, блюдцем с загнутыми краями лежащую среди магических облаков. Жизнь слишком коротка, чтобы оплакивать себя.

Возможно, эта боль, пробиваясь сквозь наркоз незнакомого чудного мира, одна лишь и напоминает мне о предназначении, обо всех тех, кому я должна однажды рассказать о чем-то сокровенном, о найденном мной Беловодье, рецепте счастья, запахе его, о том, как выглядит счастливый человек, о том, чем утешиться, как устоять в наступающем хаосе...

Сентябрь 2016, Тайвань

Привет, русская!

– Привет, русская! – машет мне рукой продавец фруктов, выглядывая из своего крошечного складика. Уже хурма перезрела – кивает на огнедышащую хурму, которая светится как мёд, – а ты все не идёшь. Непонятно чем питаешься. Хурма, вот, виноград. Ты красивая, русская.

– Интересно, где её муж? – спрашивает жена из-за его спины.

– А где твой муж? – переадресуется мне тут же вопрос.

– Не понимаю, – я мотаю головой.

– Всё ты понимаешь, – улыбается продавец. – Нету мужа. Вот возьму тебя в жены, будешь со мной фрукты продавать. Сразу весь посёлок прибежит.

– Хорошо, – подключаюсь я. – Я согласна. И представляю, как я восседаю среди гор винограда, томная и кудрявая.

– Ты видишь, – торговец хохочет так, что кепка слетает с его лысой головы, – всё она понимает. И продолжает, – жене: – а тебя сошлю в деревню.

Женщина бьёт его полотенцем, а мне говорит: приходи ещё, не обращай на него внимания.

Закупившись хурмой и виноградом, я замечаю, что вдруг стемнело. Надо бы ещё в магазин.

– О, смотри, вот и наша русская. – В магазинчике меня тоже знают. – За чем пришла?

Я пытаюсь показать: чепчик для душа. Приносят махровый. – Нет, не такой. – Находят правильный, даже два, на выбор. У китайцев всегда и всё найдется. А теперь и ещё кое-что нужно, хожу и собираю: красное вино, чипсы, конфеты из боярышника и несколько пакетиков специй.

– Давай, – продавщица начинает пикать, пробивая мой товар, и комментирует: вино и специи, как обычно. – Вот, смотри, хлеб привезли сегодня, и булочки.

– Спасибо, мне не нравится ваш хлеб.

– Нам тоже, – смеются продавщицы. – Мы не едим хлеба. Байбай, приходи, русская.

Как хорошо, когда у тебя есть знакомые.

Не торопясь, чтобы не помять сладкое тело хурмы, иду назад. Прохожу мимо парка. Мальчишки в темноте играют в салки. Старшие разминаются, дышат, сидят болтают.

– Ни хао², – говорю кому-то я.

– *Ни хао*, – бабушки передразнивают. – Сидим тут вшестером, а она – *Ни хао*. Лаовай³... – качают укоризненно головами. Но они меня уже знают и машут руками вслед.

Поднимаюсь к себе на пятый этаж. Молодые немцы носят по лестнице, свирепо стучась друг к другу, моя соседка Туяна, бурятка из Улан-Удэ, тоже с ними.

Мою хурму, открываю бутылку и наливаю. В окно на ме-

² Nǐ hǎo (кит.) – привет. Правильно — nǐmen hǎo, когда приветствие адресуется нескольким лицам.

³ Lǎowài – иностранец (кит., разговорное, сниженное).

ня смотрит гора. Когда я подыскивала себе новую работу, я из всех вариантов выбрала эту гору. И вот она владеет мной безраздельно. Каждый вечер мы с ней наедине.

Привет, русская. Радуйся жизни.

Тайань, октябрь 2016

Малые снега⁴

Эта осень, моя первая в Тайане, Шаньдун, была добрая и прекрасная – такое затянувшееся бабье лето, – яркая и щедрая на подарки, на светлые, почти весенние деньки, на урожаи разноцветной редьки, капусты – большой, маленькой и ещё десяти видов, острого перца, хурмы, мандаринов, колоссальных королевских грейпфрутов и студентов-первокурсников в голубых формах, весёлых, резвых, неожиданных и бесстрашных. Наши первокурсники маршируют на стадионах и площадях, они наполняют кампус и выливаются за его пределы, они поют и скандируют, едят в четыре глотки в лавчонках и в столовых, ставят тебя с тупик и огорошивают, внезапно атакуют и вдруг засыпают в перерыве, как подкошенные.

Во второй половине ноября обещали зиму, включили отопление. Какая она здесь? – я задавалась вопросом.

Русской зимы я не видела уже три года. Зима на юге, в Ханчжоу, была очень себе на уме, как и все южане. Цепенила и пронизывала. Хотя из месяца в месяц всегда что-то цвело, и магнолии не опадали, и пальмы зимовали в своих сереньких одеялах. Невидимая и церемонная, зима там под-

⁴ Сезон «Малые снега» (сяо сюэ) – один из 24 сельскохозяйственных сезонов по солнечному календарю, по сей день бытующему в Китае, приходится на 22—23 ноября.

крадывается незаметно, заползает в город по-пластунски, забирается сыростью и могильным холодом под брюки и за воротник, притворяется другом и балует солнышком в разгаре дня, уничтожает тебя ранним утром... Она поселяется у тебя дома (южнее Янцзы в Китае нет отопления) и превращает в лёд твои вещи, твои мысли...

А тут, в Шаньдуне, говорят...

..Она обрушилась на нашу провинцию свирепая и чужая, как война. Никакого тебе этикета. В ночь на судный день она уже хлестала меня в моём сне какими-то веревками, пускала в погоню разбойников с ножами, пугала чудищами...

...Утром было сравнительно тихо, и, хотя пасмурно, частично видно гору. Сначала мне показалось, что кое-где ближе к вершинам уже лег снег. Но белые плотные обрывки, которые я приняла за снег, шевелились, пытаясь примоститься в углублениях и зацепляясь за скальные выступы, белые обрывки, искрящиеся как сахар – которые не плыли вместе с основной массой серебряных, серых, ниже сизо-черных облаков, а скакали и разлетались независимо от неё – были тоже облаками, анахроничными письмами зимы, ещё непрочитанными, но уже изорванными каким-то страстным получателем. Вокруг горы клубились несколько параллельных миров, сезонов, лет, эпох, реальностей. Реальность была фрагментарна, она не складывалась в единую картину, она рассыпалась на пиксели.

Кофе имел другой вкус. Утреннее приветствие моего дру-

га показалось важным, как письмо с фронта.

Когда я вышла из дома, кое-где накрапывало. Возле нашего дома дождь шёл, а у соседнего его не было, он сыпался как крупа – горстями – то тут, то там... Холод давил и наступал. Листьев на деревьях не было. Они все опали за одну ночь и лежали прямо на дороге, как груды тряпья. Возле платанов они были сухие, пожелтевшие и подпревшие, гинкго осыпались яркими золотыми бабочками, а деревья, похожие на тополя, сбросили листья ещё зелёными и свежими, лакированные и огромные как тарелки. И только одна сумасшедшая магнолия стояла пурпурная и торжественная посреди облетевшего парка точно оперная дива в вечернем платье в пустом зале.

... Через несколько часов я вернулась после утренних пар, легла вздремнуть и вскоре проснулась от страшного воя за окнами. Завывало так громко и театрально, что это казалось постановкой. Выл мужской голос, то низко, то повыше, с такими постанываниями что ли. Не как зверь, не как дитя, а как избалованный мужчина, но оглушительно громко. Моя завкафедрой, Чжу-лаоши, и Синхун, начальник международного офиса прислали сообщения с предупреждением: похолодало, одевайтесь теплее. Дело, похоже, было нешуточное.

Заглянув в холодильник, я поняла, что нужна какая-то другая еда. Необходимы были также мёд, имбирь и тёплые булочки. И хотя выйти на улицу казалось невозможным,

нужно было собираться на вечерние пары.

– Привет, – сказала мне ОНА, едва я приоткрыла дверь подъезда. – Ты хотела меня видеть. – И наотмашь ударила по лицу. Я захлебнулась. Ветер сбивал с ног сзади и оглоушивал спереди. Он вихрился, как будто их было двое – два огромных духа лупили друг друга, и попадало мне. Река встала дыбом и застыла, рябая и покоцанная как старое зеркало. Люди на мопедах заползли в панцири и ехали очень медленно, вслепую, наталкиваясь друг на друга.

– Madam, – взволнованно сообщили мне первокурсники, смешивая языки, – завтра обещают снег. Вы должны позаботиться о себе. И они наматывали на меня бесконечный невидимый шарф и тёрли ладони одна о другую, иллюстрируя серьёзность момента. Они написали для меня по-китайски поговорку о сезоне «малых снегов» (как раз начинается завтра) и выглядели умудренными опытом предков. Нужно быть безмятежным и скромным в эти дни, чтобы противостоять патогенным ветрам *ци*, слушать красивую музыку и есть сельдерей с грибами.

...И на завтра действительно выпал снег. Лёг на крыши гаражей и на скамейки, припорошил можжевельниковые живые изгороди. Ветер успокоился, и в нашем маленьком парке, как ни в чем не бывало, в семь утра старички уже занимались тайчи, а дамочки пикантного возраста танцевали в шёлковых костюмах с огромными красными веерами. Всё вошло в своё русло. Просто малые снега.

Тайань, 22—23 ноября 2016

С новым годом, Большая Бабушка!

Хочется думать, что этот не смог, а туман. Сырое и жёлтое утро. Кричат петухи. Я видела их вчера в садах нашего храма, на крышах, на деревьях. Пахнет старыми тряпками. Два дня до нового года. Зачем я здесь?

За границей жизнь твоя становится минималистична. У тебя есть квартира с пронумерованной мебелью, две смены постельного белья (с умопомрачительными петельками и завязочками, пробуждающими в памяти какие-то высокобюджетные фильмы на колониальную тему), три тарелки и два стакана, два ежедневных маршрута, магазинчик с овощами и тофу и кафе, где тебя знают, не кладут мяса, есть пара американцев, которых ты считаешь друзьями, есть возлюбленный (из тех же), который приезжает тебя навестить. Любой человек рядом с тобой, каждый его жест – как в ритуальном танце – приобретает огромное значение. Не знаешь движений, сбился – и музыка уничтожит тебя, Большая Бабушка горы Тай (Laomu)⁵ найдет на тебя ледяной мрак и сделает из тебя ещё один небольшой утёс... Говорят, у неё в пещере хранятся нефритовые шкатулки с золотыми табличками, а на тех табличках есть даты жизни и смерти всех жителей Поднебесной, и если бабушка захочет – она может

⁵ Богиня горы Тай, которую по-другому называют Принцессой облаков, а Тайяницы – ласково Бабушкой, Прабабушкой, Большой (Великой) Бабушкой.

переписать любую жизнь...

...Вытаскивая себя из лап отсыревшего ядовитого чудища, я семеню вдоль набережной нашей речки... на свидание к первокурсникам.

Знаете, что я вам скажу? Если вы подумываете покончить со всей этой тягомотиной и вам уже почти все равно – попробуйте поучить китайцев. Возможно, дело пойдет быстрее, и вы отправитесь на небеса уже через пару-тройку месяцев. Но также вполне вероятно, что после затраченных ни за что ни про что нечеловеческих усилий вы уже никогда не захотите сдаться...

Когда вы учите, к примеру, русских или немцев, то как будто наливаете воду в пустой сосуд – и он наполняется, ну... или не наполняется, потому что в нем трещина. С китайцами как-то по-другому. Вот ты уже налил половину бочки и вода весело поблескивает там. А в следующую минуту ты заглядываешь – и видишь дно. Видишь, что оно абсолютно сухо. А оттуда, тебе в лицо, поднимаются лишь клубы цветного дыма... Или вылетает пара голубых сорок.

Вчера у тебя эти мерзавцы-первокурсники – все до одного – говорили и мягкое «р», и «твёрдое», и в промежуточной позиции, а уж «л» у них было, как у дикторов петербургского телевидения – а сегодня, пожалуйста вам, здрасьте, как будто они сговорились, у них опять уже не только «драмвай», но и «драдио», «дрыба» и ...Дреция....

И неужели же весь смысл твоей жизни свёлся к тому, что-

бы в маленькой долине, пахнувшей мокрыми тряпками, как Сизиф тащить русский язык в эту невидимую, но несокрушимую гору (видимая – лишь метафора той, главной), туда – к небесным воротам, где смеются, глядя вниз даосские божества (а громче всех, несомненно, сама Большая Бабушка). Да что им твой русский – китайцам: непобедимым, вечно юным, гуттаперчевым, девятихвостым?

...Двое из трёх, идущих по дороге рядом с тобой, могут быть твоими учителями – сказал Конфуций? И, да, ты соглашаешься, и скрепя сердце, подавив свою гордость, ты учишься у этих двух из трёх, даже у трёх из трёх, у тридцати трёх из трёх, если, конечно, кто-то вообще ещё идёт с тобой по этой дороге. И, чёрт возьми, каждый день ты, как парашютистка, вываливаешься в эту бездну...

Каждое твоё прикосновение к этому миру – миру повседневных человеческих забот и отношений теперь мучительно. Он смеётся над твоей нелепостью, тяжеловесностью, старомодностью и твоей отчаянной, непоправимой наготой. Он обжигает твои протянутые руки, он с трудом проглатывается, он тебя не хочет.

Вот будто бы появляется кто-то в клубах этого дыма, этого огня, этих фимиамов преисподней, кто-то светлый, кто-то новый, кто-то будто бы твой. И ты набрасываешься на него – так, будто он родился на свет, чтобы спасти тебя, и ты душишь его, ты истязаяешь его, – а, между тем, может быть, он и сам непрочь немного поспасаться...

И миг, когда ты распадаешься на атомы, находясь на вершине блаженства, не отодрать от следующего – когда он ещё рядом с тобой, такой красавчик, такой ого-го! – со своим кредо и здоровыми советами, со своим укладом цивилизованного человека – очень даже помогает, структурирует жизнь – но прямо вот здесь же, на глазах, он трансформируется в какую-то холодную, чуждую, враждебную субстанцию, в истекающий похотью и ложью злой дух. Язык, на котором он говорит с тобой – настолько запредельно чужой, что ты предпочла бы нечленораздельную речь неандертальцев, горячий поток баскских ругательств этому понятному и ничего не выражающему инструменту всеобщего понимания и глобализации.

... – Как у вас там, в будущем? Как там в 2017-ом? – спрашивает моя дочь, позвонив из Москвы.

...И вот новый год перелистнут, новогодняя ночь выброшена в мусорное ведро вместе с дежурными репликами на чужом языке и высохшими булочками для джема – извини меня, Хейди, уж больно их было много – и придет следующая – ночь на второе января. Они ушли, он уехал – а может быть их и не было никого, только мы с Большой бабушкой опять играли в гляделки, и она светила своей луной в моё окно, нагнала мне теней на праздничный ужин.

А завтра тебя опять будут терроризировать ученики, юные свирепые и прекрасные монстры, полные восторга и бесстрашия пришельцы из будущего – и да, ты затащишь

на эту гору и этот камень, и другие, и ты будешь служить человечеству и подносить разные мелкие аксессуары к алтарю человеческой культуры, такая свещеносица... И я не боюсь твоего пронизательного взгляда – Большая Бабушка горы Тай, я служу не тебе, но ты должна меня оценить, потому что во мне есть немного нетленного огня, который я хочу оставить здесь... Хватит меня воспитывать. Давай-ка лучше подружиться... Сварю завтра праздничную кашу на Лабацзе⁶...

Тайань, 4 января 2017

⁶ Ритуальная каша из нескольких видов злаков, риса, фиников, изюма, фасоли и др., которую китайцы варят на 8-ой день 12-го лунного месяца, (5 января в этом году) для подношения богам, но в последнее время просто дома, в праздник каш.

День собаки

...Я бью в барабан в нашем большом универмаге, вместе с другими покупателями. Мужчины делают это уверенно, с усмешкой, видимо, привыкли с детства. Малыши пытаются залезть на верх барабанной бочки, с трудом поднимают двумя руками единственную «палочку», размером с древко от лопаты, только покороче, – и бьют в мембрану кулачками. Сегодня 29 января, фестиваль весны, второй день нового года, день собаки, когда замужние женщины навещают родителей.

После двух празднований рождества, нового и старого нового года – пятое торжество уже для меня. И каждый раз я подвожу итоги. Ох, совсем почти нечего уже записать в итог... Однако чистить так чистить! По капле сочится, истекает время... Двадцать четыре часа попросил вчера возлюбленный, чтобы ответить на моё письмо. Я не считала: может быть, прошло только двадцать два, но ждать уже больше не получается.

Бам! Бам! Ба-ба-бам! Магазин, храм, поле боя моё... Отгорели костры новогодней ночи. Здесь у нас, в городке возле самой главной для китайцев горы Тайшань⁷, их жгут пря-

⁷ Гора Тай (шань) самая почитаемая среди пяти священных гор даосов. Ассоциируется у китайцев с восходом солнца, рождением, обновлением. Бог горы Тай, по преданию, один из правителей царства мёртвых. В 219 до н. э. импера-

мо на дороге. Отгремели, отсверкали фейерверки, красными лепестками усыпано все кругом. Нам больше не нужно думать, что мы сделали не так.

Человек, который не кидается вслед за тобой, уходящей... Зачем он тебе? Голова моя полна дешевых стереотипов, женского бреда. Я пока не могу победить эту болезнь. Трудно сказать, откуда мы это берем. Но за какие-то сто с небольшим лет не победить многовековую инерцию. Мы научились делать мужскую работу, но не умеем быть независимыми. По берегам наших морей и рек бесконечные Ассолы, высматривающие алые паруса.

Время растеклось, оно запечатало само себя. Назовем это временем. Ударьте в барабаны громче. Китайцам нравится, что я разделяю их простую жизнь и эту видимость традиции. Они дарят мне конфеты. Мы поздравляем друг друга. Я отдаю конфеты ребенку, который смотрит на меня, раскрыв рот. Мне суют ещё, ой, это что-то уже много. Конфеты, орехи, каштаны. Мы опять поздравляем друг друга.

– Я не забыл... мне так трудно говорить о чувствах, но скоро я отвечу, – пишет мой друг. Я представляю себе, как он сидит, в английском университетском отеле, завернувшись в плед, согнувшись, у стола, и темно в комнате, и горит небольшая лампа, а в зеркале отражаются лишь белки его глаз. Я представляю себе часы Дали, стекающие со столи-

тор Цинь Шихуан провел церемонию на вершине горы Тайшань и провозгласил объединение всей Империи.

ка, с книжного шкафа, с кровати. Теперь они больше не кажутся мне претенциозными. О чувствах не нужно говорить. Они скажут о себе сами. Пропеют свои гимны и свои серенады, пролепечут, проворкуют, прошепчут, простонут, провоюют, проревут, прорычат, прохохочут, прорыдают. Они ударят в барабаны и замолчат навсегда. Не существует никакого «скоро» – однажды настает момент – и мы сворачиваем время, как обесточенные провода, мы втягиваем его обратно в рулетку, выбрасываем его как ветошь, выливаем, как помой, мы его взрываем – и оно осыпается красными лепестками. Дырка на сыре Камамбер разрослась и съела его весь без остатка. Время истекло, истекло нашим жарким дыханием и нашими слезами, выплаканными и нет, истекло нашими ожиданиями и нашим раздражением. Оно истекло, беременное нашими тайнами, боясь некрасивости наших признаний. Оно прорвало барьер нашего непонимания и бессилия, нашего эгоизма и лжи, наших правил и стереотипов, похоти и разочарования, оно сломало ворота и убежало в никуда. Мы встретились там, где его не было уже. Мы стали спрашивать друг друга о нём, мы обнаружили его следы, мы взяли за руки, и ты коснулся моей груди, а я твоего плеча, и ты надел очки, чтобы разглядеть его получше, а я приготовила объятия, чтобы ухватить его покрепче, но оно было уже далеко... уже не здесь... Твоё лицо расплылось, оно стало расплавленными часами и я не могу больше удерживать его в памяти...

Почему время больше не ловится? Ты не спешишь, ты терпеливо расставляешь свой невод. Ты вычисляешь его привычки, его маршрут, ты опираешься на здравый смысл, на человеческий опыт, на ваши, в конце концов, национальные традиции. Ты собираешь в масс-медиа его символы. Ты читаешь эзотерическую литературу, чтобы вырасти из нашего мира, туда, где ясно, как меняется русло. А я нападаю на время с детским сачком, я втягиваю его ноздрями, царапаю ногтями его поверхность, я кричу своё имя, пытаюсь обозначиться, подманиваю его и соблазняю, я подыгрываю ему и стараюсь не замечать его своеволия и капризов.

...Dear Olga, ты поспешила с заключением... Не обрывай так резко... И вот уже новый поток бьет меня в спину. Он развязывает все узлы внутри моей грудной клетки, дробит их... И ты считаешь, что мы всё-таки устоим?

Бам... баммм! Баммм! Бу-бу-бух! Да, вот так держите, тогда не будет тяжело.

29 января 2017, Тайвань

Пассажирским от Южного

Твои обещания, Шанхай. Твои скайлайны. Люди, которых ты мне подарил. Твои ранние утра, и цветущие сливы, и зелёные каналы, и воздушные змеи в парке Лу Сюня, твои чудеса.

Твои уроки. Иллюзии, которые ты отнял. Шанхай-фокусник, Шанхай-сноб, Шанхай-насилыник, Шанхай-хирург. Шанхай-гуру.

Не описать тебя, не ухватить. Сегодня, вспоминая три прошедших дня – и четыре ночи – я буду говорить о любви, слезах и ботинках. Еще о дороге. Дорога сюда, дорога отсюда. Дорога к себе самому, дорога к себе...

Слёзы – это наше тайное знание. Это наша дочеловеческая речь. Это защитные плодные воды той матери-реки, из которой мы вышли. В моих снах любимый говорит со мной по-русски. Я просыпаюсь в слезах – это превращенное состояние нашего с ним русского языка, нашего согласия.

О любви надо говорить в масштабе человеческой жизни. Или не позориться. Например, если вы думаете, что любовь ваша безответна, и в душе у вас была рана величиной с небольшого медвежонка... то через... э-э-э... примерно двадцать пять лет вы неожиданно встретите его и ничего обо всем этом не вспомните, и он будет стоять перед вами, по-

хожий на милого провинциального родственника, нелепый и неинтересный – но он скажет вам, что помнит ваши платья, помнит все прогулки и все объяснения, и будет видеть в вас все ту же двадцатипятилетнюю девушку и начнет с того же места, где вы остановились, и раскроет руки для объятий и губы для признаний... Хотя и жизнь человеческая – это не масштаб... Ну, далеко не всегда.

Так вот. О слезах уже поговорили, о любви будем, если масштаб как-то нащупается, о ботинках же непременно, но немного позже – когда мне уступят место хорошие люди, и я присяду...

...Ведь я еду сейчас из Шанхая к себе в Тайань, провинция Шаньдун, на пассажирском поезде – хорошо, что не на грузовом, съезвил Роман – к тому же без места. Взяла и выбросила свой билет, наплевала на него, осталась ещё на день. Некоторым она, романтика чувств, не мешает очень даже пристроиться, но меня лично всё это разрушает. Пассажирский поезд с юга на север, да еще и билет без места – это знаете что? Мои соотечественники, конечно, видали и похуже, но не по доброй воле. Нет, не советую.

...И в результате я еду в тамбуре – в вагоне-то уже битком – причем в курящей его части, где нашла уголок, чтобы прислониться, а вокруг меня стоят и сидят на корточках китайцы (лягут на пол они ближе к ночи, когда я уже буду сидеть и переписывать эти записи) – курят, дремлют, смотрят видео – в основном, молодые парни, прилично оде-

тые, но попадаются и возрастные товарищи, порой совсем деревенщина, а иногда и люди попримечнее подсаживаются на пару остановок.

Тесно, но мы уже как-то сплелись, устроились относительно друг друга, все уже привыкли ко мне, и мы переглядываемся, если нас побеспокоили извне, и мы усмехаемся понимающе, если что, и вообще мы – одно целое уже. Мы заполнили тамбур, межвангонный закуток, ступеньки, загородили туалет. Если кому-то нужно пройти – нужно захотеть очень сильно и попросить очень громко, тогда мы нехотя с усмешкой немного приоткрываем двери...

...Мы слились воедино в нашей дороге к себе, в нашей медитации, мы не те, кто долго планировал дорогу, но те, кто её почувствует. Мы стали похожи своими суровыми лицами и стекающими утомленными телами, мы очистились от лжи и гримас, мы красивые и чистые, мы сладкие и разноцветные как мармелад... Нас можно назвать метафизическими путешественниками, по крайней мере многих их нас. Мы не едем по билету, заказанному за месяц. Мы сядем на случайный поезд, мы рискнем, спутаем часы, вокзал, задержимся в месте пересадки, у нас не хватит денег на этот путь к себе – но мы все равно будем двигаться, нестись или ползти, мы будем течь вечно, сливаясь с дорожным полотном, мокрыми латками рисовых полей, зелено-золотыми как драконы и вечерне лиловеющими горами, ядовитым дымом фабрик, куяющих китайское благополучие, с розовым кружевом вишне-

вых садов, пышных, как взбитые перины богинь, с млечным путем, с обжигающим нимбом полуденного солнца и кровавыми лоскутами вечерней зари.

Что вы скажете нам, правильные путешественники, люди с хорошими привычками, несессерами и дорожными ремнями, с чехлами для чемоданов и картами скидок? Ваш высокий комфорт и регулярный график не для нас. Мы непривередливы, мы вас пропустим – мы пропустим вас, но не допустим до своих драгоценностей, драгоценностей пути к себе...

Один из моих спутников – простой человек моего возраста – запел, уныло, но сильно и органично, запел, глядя в окно на свою жизнь, на свои рапсовые и рисовые поля, на запретельные и бесконечные теплицы, на взмывшие над землей спирали огромных скоростных эстакад, на гигантские города-призраки, на своих изработавшихся, надрывающихся собратьев, на своих детей – и изнеженных, и стойких одновременно – таких, какими могут быть только китайцы, на своих самостоятельных и гордых женщин, на своих родителей и прародителей, возделывающих поля небесные, на своих бессмертных, на новые порядки, сменившие те, что были вчера...

...Мы расстались с тобой на станции Хунтяо и вскоре поехали в одном направлении: я на Южный вокзал, где остались хоть какие-то билеты, а ты, минуя его, дальше на юг, к себе в Нинбо. И я горевала только до Южного вокзала,

и моя любовь, воспаленная, горькая, тяжелая как наркоз, заблудилась где-то в его переходах и ангарах – провожающих на платформу не пускают. Вокзалы... Нет ничего романтичнее и травматичнее вас.

Да, я оставила её, мою бедолагу, я сбежала – и еду дальше, утомленная, но мармеладная, молодая, гибкая, как эти парни, тоже оставившие где-то позади свои любви и свои отчаянья, своих родителей и детей, свои заводы и свои университеты, – на пассажирском поезде, который будто и вовсе не движется никуда...

...О, что за очаровательный был отель, что за уютный – свет и тень, и индийские панно на стенах, и пряные запахи, – и мы в нем утонули, в его прохладе и неге, в его рельефах и нежных коврах, в сладкой тишине. А назавтра мы собирались сходить в музей, а потом у нас были отдельные дела и встречи, но то ли отель нас так убаюкал, то ли вымотала жара, но мы как-то зависли на пороге воскресного дня, встали поздно, завтракали долго и бестолково – и ты неожиданно предложил нам не расставаться, а немного передвинуть музей и сходить вместе... починить твои ботинки. У меня предполагалась встреча, но не особенно важная, и я сонно согласилась... Хотя на кой, казалось бы, ты мне сдался со своими штиблетами?.. Притащить ботинки для починки в другой город, а, каково?

Видимо, сама абсурдность этого дела и привлекла меня. Оно было настолько интимное, почти постыдное, такое се-

мейное, домашнее, что у меня сжалось сердце от боли и воспоминаний. Я вспоминала отца, который всегда ухаживал за моей обувью, думала о замужестве, о браках вообще, о конечности незыблемых, на небесах одобренных семейных проектов.

... Вот, их две пары – черные и бордовые – и да, они сияют. Если честно, это были даже не ботинки – туфли, вот что это было. Но метафизически они были ботинками – называть их «туфли» – это уже какая-то инвентаризация.

Мне показалось, что мы век с тобой женаты, когда я подглядела, как ты стаптываешь каблук и стираешь подошвы. Разверзшееся нутро ботинка – просит каши, так у нас в России говорят, – было жерлом, готовым поглотить любое семейное счастье, было твоей тайной и твоим признанием мне. Обыденнее самой обыденности, стыднее стыда, интимнее секса было это зрелище разверзшегося ботинка. Вот какие дорогушие он носит ботинки, он может потратить на их ремонт столько, за сколько я никогда не куплю новую обувь – подумала я... И еще: он меня не любит, – я тоже, возможно, подумала, но любовь заблудилась в недрах Южного вокзала, а с ней остались там и все её аксессуары, приметы, претензии...

Я не знаю, когда и как мы расстанемся. Я так боюсь этого – что, вероятно, постараюсь осуществить как можно быстрее. Мы расстанемся, и ты никогда не забудешь меня, и будешь всю жизнь писать мне старомодные письма, разгляды-

вая мой осыпающийся образ в подзорную трубу своей памяти. А моя память устроена так, что она вырывает целые листы моей жизни, целые годы, стирает лица – если было что-то травматичное. И я забуду тебя абсолютно и непоправимо, буду помнить только эти сверкающие туфли, я отправлю их в вечность, в космос, в невесомость будущего...

...Честно говоря, я и правда думаю, что это лучшая в Шанхае (а то и во всем Китае!) обувная мастерская. Они работают и в выходные, и в праздники. Позже скажу вам адрес. Её владелицы – они же и работницы – две женщины. Они дополняют одна другую: одна мягкая, холеная, веселая, с модной косичкой, вторая хриплоголая, напористая, нос длинный, мало похожа на китайку. Они смотрят в сияющие носы твоих ботинок, как два факира в свой волшебный шар, видят там своё блестящее будущее...

Увидев нас, они распахнули глаза и рты, всплеснули руками, залопотали что-то хором: откуда да почему, да на сколько, а потом сконцентрировались на мне: – О! Нен piaoliang⁸! Красавица! Но я тоже не лыком шита: и вы тоже ещё какие хорошенькие, говорю – знаю, как здесь ответить на комплимент.

Ты извлекаешь туфли – и стороны приступают к переговорам. Здесь нарастить, здесь заменить, здесь припаять каким-то новым способом, а вот тут у нас представлены образцы материалов, – а цена такова, что можно за эти деньги

⁸ Очень красивая (кит.)

слетать на луну – девушки смотрят на тебя испытующе, ты почти не удивлен, но под моим давлением решаешься лишь на одну пару. Вторую пару, которую ты чинить не собрался, они предлагают у тебя купить. Ты что-то высчитываешь – говоришь цену, я икаю, но перевожу. Такого счастья им не надо. А вы посидите, мы прямо сейчас все и сделаем. Хрип-лая девушка в чистом фартуке приступает к работе на новой мигающей огоньками машине, станок пищит, стучит, гудит, щелкает, получается ритмично – прямо музыка. У китайцев абсолютное чувство ритма, абсолютный слух. Если бы не животный запах жжёной кожи – было бы мило. Мы садимся на диванчик, ты обнимаешь меня – чем не семейная пара, плюшевый плед, подушечки, несколько снимков. И вот подошвы обновлены – рельеф прямо как крокодиловая кожа, каблук надменно заточены, носы ослепляют. Теперь в них отразились и мы: мое белое лицо и твое черное, твой круглый красивый нос, моя бледная скула, прядь волос, накрашенные губы.

Ты спутал сюжет, мой принц, это моя, моя должна быть твоя, ты должен был надеть её мне на точёную ножку... Но ты прижимаешь ботинки к груди, твои сокровища – а я так и остаюсь сидеть верхом на тыкве где-то на полночной улице...

Нам так понравилась их работа, что мы отдаем и вторую пару, я торгуюсь за скидку. Придем за ней уже завтра, хочется в музей.

Но о бронзе – в другой раз, о ботинках – завершающий аккорд.

...Назавтра мы приехали рано, до завтрака. На улице пахло чем-то свежескошенным, незнакомым, а ещё мочой, мясной пищей, жасмином, орехами – а вот и знакомый дух палёной кожи... Дверь была прикрыта, но не заперта. К нам вышла кругленькая женщина, умытая и с макияжем, в белой рубашке. С антресолей (в Китае так часто живут, прямо в мастерских) свешивалась немного заспанная, с голыми плечами, её хриплая подруга, приветливо улыбаясь и помахивая нам рукой.

– *Chi fan le ma?*⁹ – спросила меня кругленькая.

– Нет ещё, – я ответила. – Сейчас идем. А вы завтракали?

– Нет, мы как раз собираемся. Давайте с нами, – она открыла занавеску, и я увидела стол, на котором стояла кастрюлька с супом из тофу и тарелка с пирожками-баоцзы.

Вторая активно кивала сверху.

– Спасибо, мы пойдем, – сказали мы, унося очередную красиво упакованную блестящую пару ботинок.

Хотя как хорошо было бы вместе с ними позавтракать!

Я призналась тебе, что влюбилась в них.

– Да, – кивнул ты. – Я тоже *impressed*¹⁰. Бизнес. Эти женщины знают своё дело. Ну пойдем, поищем, где есть кофе и омлет.

⁹ Уже ели? (кит.)

¹⁰ Под впечатлением (англ.).

...О, Шанхай. Мой покровитель. Мой судья. Расставляющий всё по своим местам. Страшный суд Шанхая, рай исхода...

Я скоро вернусь. Я вернусь, хотя, возможно, ещё и не уехала.

Шанхай – Тайань, 1—4 мая 2017

Женихи

Каскадный водопад. Стекающая вода покачивает полуотесанные тяжелые валуны. Улица, обсаженная отдавшимися осени платанами... А повыше, у подножия нашей горы – арка ворот «Начало неба», вокруг которой разбежались восхитительные маленькие сосны...

Уже вечерет. Хочется посмотреть на реку. Оставив велосипед, ступаю по мостику. Полувысохшая, речка шумит фантомным шумом, вспоминая свою полнокровную молодость и бурную жизнь. Ивы развеваются на ветру, который пришёл с ледяной вершины горы. Рыбаки – там, внизу, где ручей поглубже, – ежатся, поправляют удочки с красно-зелеными светящимися поплавками.

...И вот уже в полной темноте я захожу в кафе – там ещё звучит голос минувшего дня. Народу хватает – и мне пока ничего не несут. Двое у окна усталились на меня – типичные южане, один худой такой смуглый старик в белом пиджаке и пижонских туфлях, второй помоложе, с бакенбардами по моде семидесятых – и подают знаки. Я лениво киваю в ответ, чтобы снять неловкость. Старик в белом мигом оказывается рядом.

– Э, – обрадованно кричит он своему спутнику, – она совсем ничего не понимает. Настоящая иностранка!

– Я слышу сильный шанхайский акцент.

– Ты откуда приехала? Американка, итальянка?...

– Россия, – говорю я.

– Русская я.

– Что? Нет, я не понял. Страна какая, страна?

– Пушкин, Горький, Чайковский... E luo si¹¹, терпеливо повторяю. – Нет ответа.

– Эйзенштейн, Шостакович. (Хотя последние двое уже точно перебор).

Старик вздыхает:

– Ох, послушай, ты такая красивая... – Я сердито мотаю головой. – погоди, – говорит прилипала, – погоди отказываться. И спешит уточнить: у меня есть сын. Он сообщает это так торжественно – как будто его сын по меньшей мере Джеки Чан.

– Гагарин, – продолжаю я тем временем прояснять ситуацию. Чёрт, как он будет по-китайски? Гы-гы-лин? Та-та-лин? – Папаша-южанин послушно повторяет за мной, но по-прежнему не понимает. – Пхутин!!! – я не сдаюсь. – Печально качает головой. – Ленин, – ору я, – Сталин!!! Старик оживляется: Ленин? И радостно сообщает другу через тридцать пять голов: о, я так и думал, что русская.

– А дети у тебя есть? А муж где?

Ответ иллюстрирую наглядно, развернув ладони в разные стороны. По-видимому, это было ошибкой: белый пиджак упоенно кричит о новости напарнику, больно сжимая мой

¹¹ E luo si (кит.) – Россия.

локоть. Народ вокруг настроен дружелюбно и сострадательно. Есть все давно уже перестали.

Однако я вдруг замечаю, что мои приятели пришли не одни. С ними три женщины непонятного возраста, которые сидят как статисты и лишь вяло переговариваются. Лица у них неумные и невыразительные. Мой дедушка-трикстер среди них как будто анимированный персонаж среди эскизов. – Сёстры мои, – поясняет он. Женщины поглядывают в мою сторону безо всякого выражения.

– Я из Шанхая – ты знаешь такое место? (Тянет вверх обе руки, изображая не то мосты, не то небоскрёбы). Тебе нравится? – Пожимаю плечами. – О-о-о! Там много веселья, богатых людей. И мой сын продает там машины. (Крутит воображаемый руль) Сорок пять лет ему. Ты ему точно понравиться! Подожди минутку. – И он пытается повернуть меня к свету, чтобы лучше было фотографировать. Прицелившись дорогушим объективом, – вот так, – он фиксирует мою голову и очень по-китайски прищелкивает языком. – Та-та-та-та-та – расстреливает меня чудо-пушка. – А теперь – старик подталкивает меня под локоток к стеклянной двери, чтобы заснять в полный рост, и побуждает снять куртку, изображая на себе талию.

– Ты мне надоел, дед, – отталкиваю я его, уже наконец выйдя из оцепенения. И собираю весь свой интеллект для выражения несогласия с его стратегией сватовства. Что-то смекнув, он ненадолго отходит.

Вздыхаю с облегчением. Мне, оказывается, принесли моих креветок. Однако едва я подцепляю первую за жареный хвостик, как белый пиджак возвращается с официанткой. Она очень юная, поправляет очки и с трудом припоминает английские слова.

– Ныга, ныга... Дядюшка говорит вам, что у него есть сын. Вы приедете в Шанхай и можете жить – ныга, ныга – у него есть еще одна квартира – ныга... целый месяц и думать... м-м... об этом... ныга... и еда очень вкусная, и платья покупать (кивает на мой бюст).

– Его сын менеджер... он... ныга... – Дедуля крутит руль и сучит ногами от счастья.

– Ну как, она согласна?

– Ой, дядюшка, я не знаю, мне надо идти работать.

Мой трикстер чувствует, что близок к провалу. Он извлекает откуда-то тяжеленную ручку-перо и безупречным каллиграфическим почерком выписывает на бумажной страничке с меню цифры своего телефона.

Тем временем подваливает подкрепление в виде товарища с бакенбардами, который решил поведать мне, какие развлечения меня ждут в Шанхае. У него явный артистический талант. После каждого номера он сам себе аплодирует. Лучше всего ему удаются скачки. Думаю, теперь можно будет не смотреть оригинальные.

Дед пританцовывает вокруг со счастливым детским смехом. Бумажка с номером его телефона и непонятными до-

полнениями лежит передо мной. Ну хорошо, господин Чэнь. Не стану портить тебе твою отцовскую радость. Желаю всех пяти видов китайского счастья вашей семье¹². Ни одним меньше.

Тайань, ноябрь 2016

¹² Пять видов счастья (fu) в традиционной китайской культуре: почёт (достоинство), спокойствие (мир), достаток, долголетие (здоровье), успех.

Девочка-бутон

Она дочка Гуо-лаоши, моего учителя по йоге. Она красива, как все восьмилетние дети. Это возраст, когда ты стоишь на пороге разумной жизни и ещё не искалечен её противоречиями. Время свободы. Наверняка есть народы, у которых дети проходят инициацию в этом возрасте. Если мне придется стать богиней, я бы хотела всегда быть восьмилетней. Привет, Ли Мын.

Что значит её имя? – спрашиваю я. – Силу, – отвечает отец по-английски. – А второй иероглиф? – М-м... не знаю, как сказать по-английски. Похоже на красоту. ...Девочка немного отворачивается и смотрит на меня испытующе – верю ли я в её мощь. Это, – продолжает он, весь озаряясь, по-китайски, а больше изображая ситуацию с помощью своих гуттаперчевых пальцев, – это как бутон, нет, как росток – нет, как почка – растёт, растёт, наливается силой, и – р-раз! – раскрывается. И девочка-бутон кивает, хлопает ресницами, розовеет.

Я уезжаю в Шанхай на три недели учить китайский, спрашиваю, нужно ли замораживать мою клубную карточку. Су Линь Чжи, Администратор (да, та самая, которая всё подсовывала мне шкафчики номер четыре и номер четырнадцать¹³ – а после моего новогоднего торта пошли восьмерки,

¹³ 4, 14 и др. числа, содержащие четверку, считаются несчастливými (звучание

шестерки¹⁴ да прочие подарки), и Гуо-лаоши, и его дочка-бу-тон окружают меня. К ним подтягиваются женщины из моей группы. – Чу нали? Чу Шанхай, ма? – Так далеко! (Всего-то три часа на скоростном поезде). Так надолго! За китайским? Чего за ним ездить? – Смеются, не верят, качают головами. – Ты возвращайся к нам, мы будем скучать. – Гуо-лаоши обнимает меня, девочка краснеет.

Ты сегодня слишком много думала во время медитации, – говорит учитель. И показывает снова: вот вода, вот ветер, он дует тихо, но уверенно, он не взмывает воду, а лишь чуть касается её. У тебя узел в голове, вот тут, он не дает тебе расслабиться. – Ему не хватает английского, мне китайского, но он прав – и я, в свою очередь, понимаю его на все сто процентов.

Да нет, Гуо-лаоши. Я не думала слишком много, я вообще не думала. Просто я сержусь на одного человека, это он и засел в моей голове, залег там как замерший зародыш.

Ты должна каждый день – показывает, как надо сесть, выровнять спину, расслабить вот здесь, ноги так, а руки эдак, и накинуть на плечи одеяло, и дышать, медленнее, тише, и ещё тише, и ещё, слушать ветер внутри себя. Он улыбается. Он хороший учитель, но улыбается не как гуру. Он слишком красив, слишком любим всеми нами, и в нем есть кокетство.

слова «четыре» sì, созвучно слову «смерть» sǐwáng, 14 – верная смерть)

¹⁴ шесть и восемь – счастливые числа (6 liu созвучно le радоваться; 8 ba созвучно fa – богатство, процветание)

Я думаю, оно пройдет. Хотелось бы, чтобы это было не больно.

Ветер, вода, Шанхай, вдох, выдох, не торопись, О-ли-га, не убегай. Мы будем здесь, гора Тайшан будет здесь, ты можешь не беспокоиться. Север, юг, восток, запад. Ты уже приехала. Ты дома. И тебе совсем не нужно туда к нему ехать. – К кому «к нему», Гуо-лаоши? – Да не знаю я, это я так сказал, просто для примера, – слегка ухмыляется мой гуру.

Попрощайся, малышка. Скажи: бай-бай, О-ли-га. Бай-бай, девочка-бутон. Расти, росток. Не дрейфь. Не отдавай своей свободы. Слушай ветер внутри себя.

Январь 2017, Тайань

Путь домой

Онемевший перед фестивалем весны Шанхай. В этом году новый год пришёлся на 28 января. Обычно это самое холодное время. Но сейчас потеплело, цветут сливы здесь, в парке Лю Сюня¹⁵, и еще много чего цветет, и особенно красиво вот это желтенькими нежными цветами усыпанное деревце... И в городской тишине вдруг запели птицы – не по-воробьиному, а серьезно так, уверенно выводят. В парке Лю Сюня всегда весна и всегда свой уклад – дедули и бабули играют в маджонг и карты, мужички среднего возраста пускают в небо змеев, соревнуются, запрокинув головы с серьезным видом, летательные устройства так высоко, что их не видеть. И ещё: бадминтон, шахматы, музыканты с эрху и флейтами, лодки скользят по озеру... А есть чудачки, которые гуляют со своими личными птичками, в клетках. Несут иногда на длинной как коромысло палке три-четыре большие клетки. Тоже традиционная забава. Но это всё в парке. Город же – в летаргическом сне.

...Рабочий люд кинулся по домам – надо успеть в свои городишки, деревни. Северяне едут с юга на север, южане

¹⁵ Парк в Шанхае, посвященный основоположнику современной китайской литературы писателю Лю Сюню (*Lǚ Xùn*, в русских переводах – Лу Синь; настоящее имя Чжоу Чжаншоу, Чжоу Шужэнь). Здесь находятся могила писателя и один из его музеев.

в обратном направлении, центр возвращается к себе. Если она замужем – то сначала с семьей к его родителям, потом только к своим, студенты тоже должны в эти дни быть дома. Вчера ещё народ сновал туда-сюда, вез на мопедах и тащил в охапку коробки с орехами, пакеты с финиками, сушеными мясом, рыбой, грибами, фасолью и чечевицей, канистры масла и соевого соуса, сегодня – они все исчезли, как стертые компьютерной программой. Сегодня они уже дома: чистят крыши, вставляют и моют окна, вывешивают выстиранные одеяла и занавеси; лепят пельмени, готовят прозрачные цветные пирожные няньгао, обменивают рис и мандарины на байджо¹⁶ и пиво, наклеивают на двери обережные надписи.

Магазины наглухо закрыты. Закрыто и последнее кафе, в котором мы с Антоном вчера ужинали. Опущены рольставни. Над пустой, как в фильме ужасов, улицей, громоздятся группка застывших подъемных кранов. Они как нескладные подростки, которые переговариваются, где бы стрельнуть выпить и закурить. В метро мигают только огоньки турникетов. Дремлет служащий на досмотре. Отдаленный гул поезда вселяет надежду, что я не сплю и когда-нибудь смогу покинуть этот брошенный город.

Поезд приходит пустым. Куда он повезёт меня? Схема внутри вагона не светится как это бывает обычно. Объявлений нет. По вагону на коленях продвигается молодая жен-

¹⁶ Китайская водка

щина, она поёт в микрофон (больше дышит) и собирает милостыню. Сесе, сесе, сесе¹⁷... – разносит эхо.

На вокзале снова, откуда ни возьмись толпа, люди с красными коробками и пакетами, с детьми в красном. Они улыбаются, суетятся. Да, мама, мы нормально, мы уже на Хунтяю. Я спускаюсь на платформу и сажусь в поезд. Через пару остановок – в Сучжоу? – почти все выходят, а я еду дальше в поезде-призраке. Свет приглушен. Не замечая меня, проводница собирает мусор, а потом моет вагон, слушая плеер. Объявления не совпадают с порядком станций, хорошо, что есть бегущая строка на пиньинь.

Сейчас я заеду к себе в Тайань, провинция Шаньдун, переночую, соберу вещи и дальше – в Пекин, в аэропорт, в Москву... Так же, как все они, муравьишки, объединенные общим инстинктом, – не понимая, отчего меня вдруг вышвырнуло из моего резона и расписания, – я разворачиваюсь к своему полюсу притяжения, я тороплюсь домой. – Ты же сказала, что собираешься в Японию? Во Вьетнам на пляж, в Сингапур, Лаос, Мьянму, все под рукой же... – Но я ломлюсь на родину, теряя деньги, рассыпая картину будущего как пазл.

..Из других вагонов одновременно со мной выгружаются еще несколько человек. Мы семеним друг за другом по тёмной платформе к магически синему тоннелю. За мной покровительственно присматривают два моего возраста китай-

¹⁷ Xiexie (кит. пиньинь) – спасибо

ца. На площади пустынно, дорожка к автобусу перегорожена загородкой, очередь из такси, обычно такая длинная, насчитывает всего две-три сомнительного вида машины. Таксисты обступают меня с хищным видом. Бандитские морды предвкушают наживу. – Сто двадцать юаней! – требуют они. – Тридцать! – я топаю каблучком, и так на пять юаней больше, чем обычно. Новый год же! – гудят разбойники, сжимая оцепление. – Ладно, сорок! И больше – ни за что. – Её одну только придется везти. В новый год! За сорок, а? – толкают друг друга плечом водилы. Я же совершенно реально собираюсь уходить – туда, на шоссе, где уже кто-то жжёт новогодний костер. Их жгут тут прямо на тротуарах – те, вероятно, кто победней, и не может купить петарды. – Хао де¹⁸, – соглашается один, – давай за сорок. Только посиди две минутки, я сейчас. ...Минут через двадцать я просыпаюсь и хочу возмущаться. Но мой водила поймал кого-то и подсаживает к нам. Поехали. Затащив машину в какие-то тушобы и высадив парня, водила оглядывается на меня, зубы его мрачно поблескивают в темноте. В городе тьма, которую тут и там взрезают рассыпающиеся охапки салюта. – Счастливого нового года! – говорю я, когда таксист вытаскивает мой чемодан. Он расцветает, с веселым ревом срываясь с места, машет мне рукой и радостно сигналист. Бреду к подъезду под отчаянным обстрелом.

...Как длинна она бывает – дорога домой! Я миную эти

¹⁸ Hào de (кит. пиньинь) – хорошо, ладно

реки с баржами, эти рапсовые желтые поля, неисчислимые квадраты искусственных рыбных прудов, теплиц, персиковых садов, а потом уже начинается север и земля замерзла, и опять река и там горы одни над другими – или это облака так зарифмовались... Я хочу к моей луне, под мои созвездия! Увидеть наши заиндевевшие берёзки, наших снегирей! И через эти каналы, тоннели, развязки, мосты, руки с неправильными билетами, через разинутые рты – строй чужих наречий, через абракадабру адресов и расписаний, чертовых каких-то трансферных пересадок и десятиэтажных линий метро, захлебываясь инстинктом – домой! Добраться, доковылять, дотянуть, приткнуться, прижаться, обняться со своими, припасть, при- и преклонить.

Пока вокруг тебя опять не затанцуют львы¹⁹ и чванно не прошествуют на ходулях вельможи в шелковом платье попеременно с рыбаками в широких штанах²⁰.

Пока фонари последнего праздничного дня²¹ не зажглись и – читай – не погасли...

¹⁹ Танец львов, как и танец драконов традиционно исполняется во время различных праздников, основным из которых является Фестиваль Весны (Китайский Новый год), для отпугивания злых духов и привлечения удачи. Фигурой льва управляют два человека, находящихся внутри куклы. Базовые движения танца могут быть найдены в большинстве китайских боевых искусств.

²⁰ Номера на ходулях, с традиционными персонажами также принято исполнять во время новогодних торжеств.

²¹ В 15-й день 1-го месяца по лунному календарю отмечают праздник фонарей, знаменующий собой окончание праздника Весны (празднования китайского нового года).

27/28 января 2017, Шанхай-Тайань

Весна как искушение

Что-то изменилось, пока я была на каникулах. Наша, университетская, тихая часть города встрепенулась, ожила. Похорошевшие студентки распахнули разноцветные пальто. А некоторые даже – ого! – покрасили свои длинные чёрные волосы. Осмелилась выпустить резиновые упрямые листочки сирень. Мохнатые, как зверьки, качаются полупроснувшиеся бутоны на ветках магнолий перед административным корпусом. А вон те два дерева уже празднуют свой выход бело-розовыми, невозможными в ещё пустом и сером парке цветами. Если прищуриться, то цветки начинают мерцать на концах ресниц, как тёплые звезды.

Весной ты как никогда чувствуешь себя то отчаянно молодым, то – в следующий момент – безнадежно постаревшим. У тебя ещё нет сил для настоящего полёта. Вот я сливаюсь с потоком этих юных, длинноволосых и стриженных, этих в модных дорогущих кроссовках и этих в коротких юбочках и одинаковых очках, я наполняюсь их энергией и подпрыгиваю на ходу...

Но эта плотная, упругая, мощная сила сдавлирует, начинает выматывать. Этот салют юношеского весеннего энтузиазма раздражает меня и ошпаривает. Вас слишком много, китайцы... Прекратите толкаться.

...У меня новое расписание. Нахожу аудиторию. Она

вой водой! Чувствую, что моя жизнь почти остановилась...

Я понимаю обострившихся в весеннем опьянении агорафобов и охлофобов – когда все снялось с места и накренилось, побежало, понеслось, взвилось, треснуло и проклюнулось, и ты не можешь зацепиться за задышавшую, разглуздавшуюся в материнском ожидании землю своими заскорузлыми лапами, а взмахнуть тебе пока ещё нечем.

Мир изменился – вы заметили? Как отмечала незабвенная профессор-антрополог Наталья Николаевна Садовая, наше общество стало похоже на общество охотников и собирателей – племенные конфликты, маленькие семьи, нет постоянного места жительства, перманентный поиск работы и лучших мест обитания... Но мы пошли дальше! Семьи тоже стали виртуальными, мы разбрелись уже не парами, а поодиночке: искать работу, бродяжничать, требовать друг от друга любви и убивать её, сходиться и расходиться, встречаться с собственными детьми в каких-то третьих странах... Мы лишились семьи, пола и возраста. Наши дети – они старше нас. Иногда даже кажется – они уже старики: мудрые, ответственные и бессильные... Да простят меня боги Тайшаня, если я клеветую...

Китайцы сохранили брак, как и вообще много чего сохранили. Они достигли мира между мужчинами и женщинами. Если у нас – подождите кидать камни, православные – не прекращается эта война, и миллионы озлобленных женщин растят своих сирот, ожидая принцев в белых ли-

музинах, а миллионы деклассированных мужчин спиваются по съемным углам, то у них – кто его знает, какой ценой, – но они вместе: что крестьянка, что профессор чинно вдвоем с мужем навещает свекровь и свекра в первый день китайского нового года, и так всегда было, и так всегда будет.

...После дневного сна, умиротворенная, я выхожу прокатиться на велосипеде. Горы, обрамляющие кампус, после пяти вечера подергиваются такой по-новому светящейся синевато-сизой дымкой, в которой тоже есть что-то весеннее. Когда я сворачиваю с нашей улицы на мост, небо уже сиреневое – скоро станет совсем темно. Вечером небезопасно ехать по городу на старом велосипеде без фонарей – китайцы не соблюдают правил дорожного движения, по крайней мере, на мопедах и великах они снуют во все стороны, невзирая на направление проезжей дороги. В темноте очень даже запросто можно неприятно встретиться лоб в лоб с бесшумным электрическим мопедом. Машины объезжают пробки, едут по встречной или поворачивают в неурочный момент – это добавляет неизвестных в наше уравнение.

...И все-таки здесь, в приближающейся ночи, в потоках холодного ветра с горы, мне не так грустно, как было сегодня в ясный солнечный день посреди оживленного кампуса. Я потихонечку кручу педали, я уворачиваюсь от встречных товарищей, верчу головой, пытаюсь увидеть, что там новенького в освещенных витринах, объезжаю мусорщиков с их тяжелыми баками-прицепами и шепчу себе: ничего, подожди...

Кто тебе сказал, что надо бросить этот чудесный город, этих добрых людей, эти синие горы, что надо искать, где глубже, где жирнее, где прочнее, искать свой потерянный рай где-то там, в холодной как сталь неизвестности? Кто сказал тебе, что пора прощаться?...

6—7 марта 2017, Тайвань

Брат и сестра

Немного беспокоюсь, отпустишь ли ты меня в Тяньцзинь, моя Большая Бабушка. Как расстанусь с тобой? Ты, конечно, поначалу – и я уже давно оповестила об этом мир своими тяжкими стонами – была довольно суровой, заключив меня одну как перст в своих колдовских горах – таких несокрушимых ледяным декабрьским вечером, и таких веселых в ослепительно-солнечный день многокрасочной ранней осенью или долгой, вспыхивающей сначала сливовыми, абрикосовыми, после персиковыми, а затем и грушевыми деревьями весной. А те деревья, которые с жёлтыми цветами, иногда держатся даже зимой, или зацветают первыми – говорит мне Синхун, моя приятельница из международного отдела, местная-местная, одна из твоих пра-правнучек, Большая Бабушка, я поняла это, это в ней сразу расслышала.

Ты воспитывала меня, глядя в мое окно вечерами, подсвечивая мои окна послушным тебе лунным светом. Ты требовала все новых доказательств моей работы над собой. Не гадай, что там, за облаками, когда день ещё только начинается – ты учила меня. Ты не узнаешь, какая будет погода, пока облака не поднимутся... Просто смотри, как они уплывают вверх. И я научилась этому. Не гоняйся за любовниками – они как эти сороки, которые лишь добывают себе пищу и ссорятся за неё... В тишине, среди моих вершин ты услы-

шишь шаги и дыхание того, кто придет именно к тебе. И я поняла отшельников с их способностью видеть человека насквозь – и фальшивые действия и слова стали коробить меня куда сильнее, чем раньше.

И я перестала гнаться за вами, сороки: за тобой гнаться перестала, галлюцинация моя, мой неполученный приз, мой возлюбленный, мой разлюбленный, отступила – слышишь ли. Я и имени твоего здесь не назову. Я подожду, пока облака не поднимутся... А ты – ты ступай себе, ищи свой рай... Да не оглядывайся... Нет, нет, нет, не гонюсь я. Кажется, все тут ясно. Ведь да?

В субботу по всему нашему маленькому парку расцвела сирень – лиловая и белая, здесь это маленькие деревца, а не кустарник – и еще не раскрыв соцветий уже запахла, закружила головы... Позже, гораздо позже она расцветет там, в Москве, дома. Какая невозможная сирень была в моем детстве на Арбатской площади!

Мы встретились утром в девять и поехали за город с другими иностранными учителями, а потом навестили храм бога горы Тай. Да, твоего, Большая Бабушка, брата... Мы видели там эпическую роспись: путешествие бога горы Тай с Востока на Запад. Я все высматривала тебя, Бабушка, на этой фреске. Мне показалось, что одна из дам с фрески слегка пошевелила рукой...

Синхун рассказала мне кое-что о вас с твоим братом – о богах нашей горы. Нет-нет, я не проговорюсь, ничего лиш-

него не выдам. Я могу только лишь намекнуть... Я всегда знала, что буду держаться тебя, Большая Бабушка, хотя по официальной, можно сказать, версии главный бог горы – твой брат. И вся эта неразбериха и путаница является такой лишь для чужих. Брата называют твоим отцом, тебя – какой-то там царицей и прочая чепуха. Твой храм на горе, когда я поднялась туда, показался мне нежилым. Зато маленькая пещера, тоже твоя, на горе – ого-го что это была за пещера! Но твой страж не пропустил меня, хотя и дремал, сидя у входа. Он не впустил меня без даров и достойного повода.

Позабавила меня и история про твои туфли, Бабушка (тоже Синхун шепнула), – про твои туфли, которые **УЖЕ СТОЯЛИ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ, КОГДА ТВОЙ БРАТ ВПЕРВЫЕ ПОДНЯЛСЯ ТУДА**. Ты же сама соблюла приличия – и явилась, поднялась, чтобы повелевать (нашей горой) уже после брата. Однако самые проницательные догадались, кто есть кто...

...Передо мной лежит вскрытый конверт. Я читаю контракт. День сегодня пасмурный, рифмующаяся двойная холка горы почти сливается с небом. Вершина слева видна чуть лучше. Если назвать события, которые со мной происходили в этом городе у подножия горы Тай, то это и не события вовсе...

Кроме того, что я сошла когда-то здесь с поезда.

Кроме того, что я нашла здесь тех, кто меня теперь обнимает при встрече.

Кроме того, что Синхун позавчера угощала меня самым вкусным на все времена нао-тофу²³ и показала мне дорожки своего детства.

Кроме того, что я убегу отсюда однажды свежим горным утром в неизвестность, потому что она позвала меня...

Кроме того, что... Тсс... молчу... Надеюсь, ты меня отпустишь...

30 марта 2017, Тайань

²³ Nao-dou-fu, nèn-dòu-fu – мягкий тофу, нежный тофу (соевый творог), который заправляют соевым соусом и подают как суп; используют для острой закуски или сладкого блюда.

Колошение хлебов

Сюда не приезжают – здесь оказываются. Ну и дырища, хныкал Роман, которого мой город захватил в плен и два дня безостановочно пытал: смогом, деревенскими окраинами и, по воле судьбы (а отчасти из-за моей лени), неудачным велосипедным маршрутом. Он приехал в Тайань, но не попал в него. Не вышла из облаков моя гора, не улыбнулись странному типу в японском наморднике²⁴ мои прекрасные шаньдунцы.

Здесь оказываются. В месте, где, кроме горы, ничего нет. Ничего лишнего – только жизнь и смерть, школа и кладбище, камни и небо, в месте, где пересохли речки, но вода бьет из земли, из гор, мостовых, стен, крыш. Нет двора без ивы, нет без источника, – говорили раньше о Цзиннанае, он рядом. В месте, где мосты глядят на тебя ночью своими зеркальными глазами, будто полными слёз, а ветер возвращает тебе твои мысли, твоё дыхание.

²⁴ Маска-респиратор, которые используют в Китае для защиты от смога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.